
УДК 82.0 (470.621)
ББК 83.3 (2=Ады)6
Я 91

Яхутль Ю.А.

Аспирант кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: partner.86@mail.ru

**Просветительские идеи и духовно-религиозный аспект
народного сознания в дилогии А. Евтыха
«Баржа» и «Бычья кровь»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Исследуется нравственно-философский спектр проблем гуманизма, свободы и веры человека в ракурсе просветительских идей послереволюционного периода. Рассматриваются художественные воплощения в новописьменной адыгской прозе образа просветителя нового типа и идей духовно-нравственного просвещения. Установлено, что А. Евтых новаторски решает проблему новой модели просветителя и не предлагает однозначных решений драматически сложных нравственно-идеологических проблем.

Ключевые слова:

Духовно-религиозный аспект, просветительские идеи, новый ракурс их выражения, неоднозначное художественное решение.

Yakhutl Yu.A.

Post-graduate student of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: partner.86@mail.ru

Educational ideas and spiritual-religious aspect of national consciousness in A.Evtykh's dilogy ("Barge" and "Bull blood")

Abstract:

The paper examines the moral and philosophical range of problems of humanity, freedom and belief of the person within a framework of educational ideas of the post-revolutionary period. This work deals with the artistic realizations of an image of the educator of new type and ideas of spiritual and moral education in the Adyghean new written prose. It is established that A.Evtykh solves innovatively a problem of new model of the educator and does not propose unambiguous solutions of drama complex moral and ideological problems.

Keywords:

Spiritual - religious aspect, educational ideas, new foreshortening of their expression, ambiguous art decision.

В художественном раскрытии гуманистических проблем «Человек и история», «Человек и его духовно-нравственный мир» в дилогии «Баржа» и «Бычья кровь» А. Евтыха явно тяготеет к разработке коллизий гармонии и дисгармонии человека со своим временем. Этой проблеме отводятся лишь отдельные

страницы в исследовании Н.Х. Хуажевой [1]. В этих коллизиях автор останавливает свое пристальное внимание на кризисных ситуациях в области духа. Народное самосознание, вера, философия и этика субъектов истории находят выражение и в типах главных героев (Хаджи Исмель, казак-дворянин Щербина, Аладж, княгиня Айшет), и в индивидуализированных персонажах второго и третьего планов (Хатрак Баг, крестьяне, хуторяне, казаки, Марьян, Фрося, Колесников и др.). В народный хор вливаются голоса совсем необычных для адыгского романа персонажей из народа (поп-расстрига Иннокентий, бывший русский солдат по прозвищу Капказ, старый русский казак Гололоб). Их объединяют или разъединяют понятия о Боге, отношении к человеку, законам гуманизма и нравственности. Причем духовно-нравственные идеи в своей совокупности предстают у автора как идеи просветительские, гуманные, ищущие человека в человеке, бога и истины – в духовном бытии, т.е. созидательные идеи. Живут эти идеи не в отвлеченных сентенциях или рассуждениях, а в мощном многокрасочном человеческом действии, через лепку образов и фигур многонационального адыгского, кубанского населения и с ним связанных «пришлых» и «временнообязанных» военнотружущих и переселенцев. Постоянный предмет горячего интереса всех участников «народного действия» - бог, власть и свобода. Широкое освещение важнейших проблем бытия в этом случае, благодаря возможностям романа, позволяет превратить «гений человека» в «гений Универсума» [2].

В постановке и художественном решении проблем веры и религии писатель делает смелые для своего времени шаги: намекает на библейские образы (название – первой части «Баржи» - «Мимо белого собора») или прямо ассоциирует с ними действительность (название третьей части – «Тайная вечеря»). С первых же страниц автор начинает приобщать героев к духов-

ной сущности христианской и мусульманской религий через восприятие и поведение исповедующих эти религии людей разных национальностей и сословий [3].

Так, образом «белого собора», возвышающегося на главной площади кубанской столицы, отношением к богу связывается несколько героев романа «Баржа»: крестьянин Хатрак Баг, казак И.П. Щербина, князь Гирей. Оказывается, так или иначе каждый прошел «мимо Бога», даже если по разным причинам останавливался у дверей храма. Символом борьбы за власть людей честолюбивых и знатных, образом своекорыстия и предательства власть имущих и власть берущих обозначена третья часть «Баржи», по библейской легенде названная «Тайной вечерей» [4: 312-313]. Предваряя зловещий смысл безбожия, эпиграфом к роману «Бычья кровь» взят библейский текст: «Я вам сказываю, братья, время уже коротко, ибо **проходит образ мира сего...**» [5: 455-456]. Лейтмотив эпиграфа одной тревожной тоскливой нотой перекрывает многоголосие взбудораженной жизни кубанской столицы, над которой нависла угроза кровавой братской междоусобицы, впоследствии получившей название гражданской войны. Из полуподвала старейшей харчевни доносятся, усиливаясь, голоса казаков, отправляемых на ближний фронт и поэтому с горькой лихостью ожидающих крови и смерти в еще невиданной ими схватке. Создавая этот образ обреченности, автор именно здесь побуждает читателя услышать библейские предсказания от попа Иннокентия (Кеши), разжалованного незадолго перед тем за «ересь». Ему-то внимают казаки с надеждой и верой, и надеются, и не верят. Автор прицельно точно предпослал библейскому тексту в эпиграфе слова внука Корнилова Лавра Алексеевича: «С обеих сторон были люди, которые любили кровь, и эта жажда крови оказалась очень сильной». Роман заканчивается образом багрового вина, которое наподобие густой бычьей

крови натекло на грудь старого белого генерала, «помечая его роковым знаком...» Знаком убийцы, жалеющим лишь о том, что «надо было одним махом убить как можно больше людей...» [5: 235-236].

Проблемы гуманизма не находят у автора, как и у его героев, односложного простого решения. Евтых не случайно связывает эти «человекообъединяющие» идеи с религией, исламом и православием, не предлагая читателю «успокаивающего» мира. «Проходит образ мира сего» - надо понимать, наступают времена всеобщего разрушения, и мы, люди, беззащитны и беспомощны перед грядущим из-за своих грехов. Пафос «попа расстриги» Кеши-Иннокентия как бы диссонирует с простецкой бытовой стилистикой изображения его слушателей – казаков. Речи Кеши перемежаются будничными разговорами, трагикомическими репликами... Однако заключительный аккорд – фраза Иннокентия: «Брат брата покинет, брат на брата пойдет» – прерывается сообщением о смерти друга Кеши – старого солдата Капказа, отвоёвавшего в Кавказскую войну, покинутого его родиной и властью и пригретого черкесами...» Таким художественно выстроенным приемом автор не только выражает идею бренности всего земного, но и подкрепляет романским содержанием гуманистическую мысль о конечности бездуховного существования человека «без Бога» перед лицом социально-политических катаклизмов. С художественной стороны выделенные нами эпизоды являются убедительным аргументом мысли о сложности мира и его восприятия народным сознанием.

Диалектика его осмысления не менее художественно убедительно нарисована при углублении в проблемы взаимоотношений религий и конкретного человека. Не случайно вслед за эпиграфом к роману «Бычья кровь» следует пролог: грек Каратидис, христианин, топит в море мусульманского князя, чтобы завладеть его богатством, с которым князь, спасаясь

от революции, намеревался вступить на турецкий берег. А в последней главе романа белый генерал, готовясь возглавить братоубийственный поход на своих соплеменников, жалеет, что не подготовился как следует к поголовному убийству... Далекое не христианские помыслы генерал маскирует фразами о «святой Руси», защитником которой он представляет белое движение. Да и пролог романа заканчивается исторической параллелью между утоплением в море адыгского князя в XX веке и адыгских переселенцев в Турцию в XIX веке. Между этими историческими событиями расстояние в полтора века. Судьбу князя вершит грек Каратидис, судьбу мусульман адыгов – турки, кстати тоже мусульмане («помолившись перед этим своему аллаху») [5: 4-5]. Так библейское пророчество как бы обозначает траекторию трагической общей судьбы народов, вер, религий.

Таким же неоднозначным в изображении Евтыха является отношение героев к Корану. Автор не раз подчеркивает в «Бычьей крови» истинную религиозность простых людей. «Я пять раз на день молился на своей старой чеканке: всевышняя сила, переведи эту злую власть, накажи царей! И дождался...» – с горечью говорит старый шапсуг командиру военного отряда [4: 103-104]. Развитие событий, взаимное ожесточение борющихся вытеснили Коран из духовного обихода аульчан и князя Аладжа, принудили их искать другие способы самосохранения – оружие. Даже самые фанатичные мусульмане «повернулись спиной к мечети, а лицом к реке, по которой пришла груженная оружием баржа». На каждый замаскированный воз с оружием сел хаджи, повязанный чалмой: мол, святые люди вне подозрений. «Аладж благословлял в дорогу людей и винтовки. Бог вам в попутчики!» [5:152-153]. Имя Бога у лукавого старца Аладжа становится сильнейшим средством укрепления своей власти над аулом.

Наиболее показательна в плане взаимоотношений с религией вся сюжетная линия «Бычьей крови», связанная с темой Исмеля Малаха. Судьба хаджи Малаха прочерчивает сюжет дилогии, являясь одним из объединяющих духовных центров романа и требует особого разговора: необходимости раскрыть образ героя, обратившись к авторскому искусству создания необычного в обычном, концентрации высокой духовности и бескорыстного человеколюбия в облике простого крестьянина, соединившего редчайшие качества гуманиста - просветителя и труженика земли. Исмель - настоящий сын народа, исповедующий справедливость и человечность, идею равенства людей перед Богом.

Духовные поиски привели Исмеля к краснокутским большевикам. С ними Исмель связывал защиту идей справедливости. Но надо подчеркнуть, Малах хотел бескровным путем добиться мира между хуторами и черкесами. Вот почему он оказывается в адыгейском ауле, где власть держат Аладжи и Гирей. А Малах идет к ним, вооруженный, как всегда, лишь словом и верой в справедливость. Идет с созданным им письменным родным языком, историей своей родины, ее духовными богатствами. Его подло убивают молодцы Аладжа. Кровь Исмеля, подобно жертвенной библейской крови, не остановила мирского зла, не победила междоусобицы; более того – кровь, пролитая жертвами, сплошным потоком полилась на Кубани и в Адыгее.

Подробно написанная сцена похорон Исмеля Малаха становится символом открытого столкновения борющихся сил. На кладбище Аладж просит «чужих,

не нашей веры... отойти...» Но «чужие» («красные и черкесы») требуют удаления Аладжа... Они взяли верх, похоронив Исмеля на аульской площади как красного комиссара... Но эпизод обрамляется горькой картиной «огневой дружбы» (ночью были одновременно подожжены аульские и хуторские дома и хаты красных). Это означает, что зловещий план Гиреев-Аладжей на какое-то время удался.

Словесное единороство героя с противником – национальная традиция адыгского эпоса. В романной структуре (Т. Керашев, А. Евтых) эта традиция соотносится с новым социальным и идеологическим обликом героя. Словесные турниры здесь вынужденная, так сказать, национальная форма идеологической борьбы, оружие просветителей, готовых обращаться к другим формам словесного воздействия – притчам, сказам, присловьям религиозно-духовного содержания. И Библия и Коран становятся органичным для всей эпической атмосферы романа источником концентрации его религиозно-философского, гуманистического содержания.

Дилогия А. Евтыха напоминает просветительские идеи романа «Кавказ» нашего современника кабардинца из Иордании М. Кандура. Историческая параллель между потоплением в море адыгского князя в XX веке и переселенцев - адыгов в Турцию в XIX веке заставляет звучать колокол вечного предупреждения о гибельности межнациональной вражды, а деятельность среди адыгов русского просветителя Васильчикова говорит о неистребимости добра в сердце подлинного гуманиста [6].

Примечания:

1. Хуажева Н.Х. Художественная концепция личности в романах об историческом прошлом А. Евтыха // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 4. С. 52-56.
2. Ast F. System der Kunstlehre... (1805) // Romantheorie / Hrsg.von. E. Lämmert. Köln, 1971. S. 214, S. 228.
3. Первые исследования философско-религиозной проблематики в адыгейской худо-

жественной прозе 80-90-х годов принадлежат И.Н. Хатковой, О.В. Куликовой, Н.Х. Хуажевой, Ф.А. Аутлевой, К.Н. Паранук. Однако проза А. Евтыха в ряду названных трудов авторов в ракурсе связи с идеями просветительства не рассматривается.

4. Евтых А. Баржа. М.: Сов. писатель, 1983. 420 с.
5. Евтых А. Бычья кровь. Адыг. кн. изд-во. Майкоп, 1993. 495 с.
6. Кандур М.И. Кавказ. Историческая трилогия. Т. 3 / пер. В.А. Ченышенко. М. Кандиналь. 1994. 336 с.

References:

1. Khuazheva N.Kh. The literary conception of personality in the novels about A. Evtykh's historical past // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2011. Issue 4. P. 52-56.
2. Ast F. System der Kunstlehre ... (1805) // Romantheorie / Hrsg.von. E. Lämmert. Köln, 1971. S. 214, S.228.
3. Early studies of the philosophical and religious subject matter in the Adyghe prose of the 80-90es belong to I.N. Khatkova, O.V. Kulikova, N.Kh. Khuazheva, F.A. Autleva, K.N. Parasuk. However, A. Evtykh's prose among the named works of authors from the viewpoint of connection with the ideas of education isn't considered.
4. Evtykh A. A barge. M.: Sov. pisatel, 1983. 420 pp.
5. Evtykh A. The bull's blood. The Adyghe publishing house. Maikop, 1993. 495 pp.
6. Kandur M.I. The Caucasus. A historical trilogy. V.3 / transl. by V.A. Chenyshenko. M. Kandinal. 1994. 336 pp.